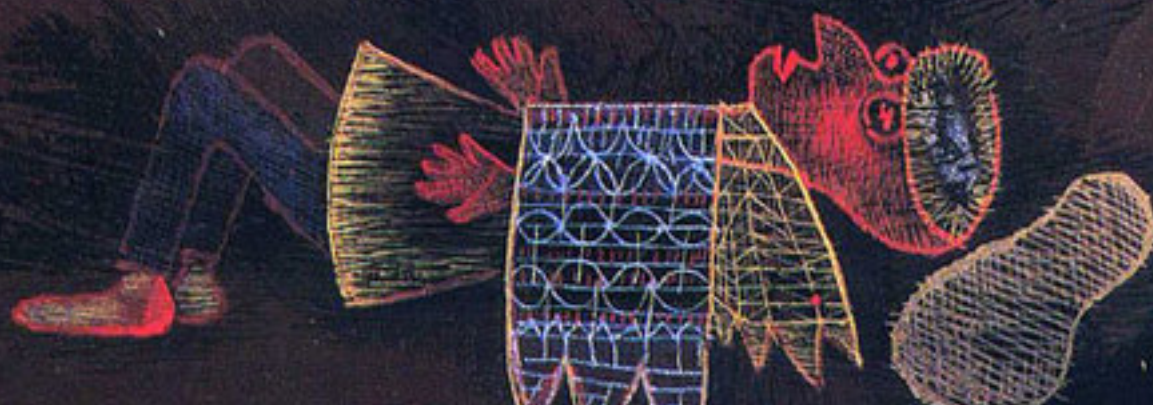

Загадка железного алиби

Детективные повести и рассказы
в переводах Бориса Косенкова

Эрл Дерр Биггерс, Эдгар Уоллес,
Ричард Остин Фримен, Артур Рив, Жак Фатрелл

Эдгар Уоллес

**Загадка железного
алиби (сборник)**

«Animedia»

2016

Уоллес Э. Р.

Загадка железного алиби (сборник) / Э. Р. Уоллес — «Animedia»,
2016

ISBN 978-80-7499-053-3

Представляем вам сборник захватывающих рассказов, написанных мастерами детективного жанра на рубеже 19–20 веков. Каждое из произведений книги «Загадка железного алиби» – это маленький шедевр, одобренный вдохновляющей романтической линией, как рассказы Эрла Биггерса, или замысловатыми логическими умозаключениями героев Ричарда Фримена. Великолепный же перевод Бориса Косенкова, придающий сюжетам новых красок, наверняка придется по вкусу ценителям жанра. Большая часть произведений сборника публикуется на русском языке впервые.

ISBN 978-80-7499-053-3

© Уоллес Э. Р., 2016

© Animedia, 2016

Содержание

Эрл Дерр Биггерс	5
Глава I	6
Глава II	10
Глава III	15
Глава IV	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Загадка железного алиби (сборник)

Эрл Дерр Биггерс
Колонка розыска

Эрл Дерр Биггерс (1884–1933)

Американский писатель и драматург. Известен, в первую очередь, серией романов о полицейском китайского происхождения Чарли Чане. Первый роман из этой серии вышел в 1925 году, а последний «Хранитель ключей» (Keeper Of The Keys) – в 1932-м.

Глава I

В то историческое лето в Лондоне царила невыносимая жара. Сейчас, если оглянуться назад, кажется, что весь этот огромный прокаленный солнцем город превратился тогда в какое-то преддверие ада, готовя своих обитателей к еще более ужасным страданиям и мукам, которые в скором времени нагрянут в виде Великой войны. Американские туристы по большей части искали облегчение у стойки с прохладительными напитками в аптеке по соседству с отелем «Сесиль», где можно было заказать напоминающие о родных краях сиропы и сливки. А в открытых окнах чайных лавок на Пиккадилли красовались англичане, которые, чтобы хоть немного остыть, литрами поглощали горячий чай. Вот в такой парадокс они свято верят.

Около девяти утра в пятницу двадцать четвертого июля незабываемого тысяча девятьсот четырнадцатого года Джеффри Уэст вышел из дома на Адельфи-Террас и направился в «Карлтон», чтобы позавтракать. Он считал, что обеденный зал в этом почтенном отеле сейчас самое прохладное место в Лондоне, а если немного повезет, то и клубника отыщется, хотя сезон уже и прошел. Прокладывая на Стрэнде путь сквозь толпу людей с честными британскими лицами, покрытыми честным британским потом, он не переставал думать о своей квартире на Вашингтон-сквер в Нью-Йорке. Потому что Уэст, несмотря на свое звучное английское имя Джеффри, был таким же американцем, как и его родной штат Канзас, и только неотложные дела удерживали его в Англии, вдалеке от страны, которая отсюда, из чужих краев, казалась особенно привлекательной.

Купив у стойки с прессой в «Карлтоне» две утренние газеты – «Таймс» для серьезного чтения и «Мейл» для просмотра на досуге, Уэст проследовал в ресторан. Завидев его, официант, рослый, с солдатской выправкой прусак с еще более светлыми, чем у самого Уэста волосами, кивнул, изобразил механическую немецкую улыбку и достал блюдо клубники, которую, как он знал, в первую очередь закажет американец. Уэст устроился за своим обычным столиком, развернул «Дейли Мейл» и стал просматривать любимую колонку. Уже прочтя первое сообщение, он довольно улыбнулся.

«Тот, кто называет меня драгоценнейшей, обманывает, иначе мне бы написали».

Любой человек, знакомый с английской прессой, тут же сообразил бы, какой раздел больше всего привлекает Уэста. На протяжении всех трех недель, проведенных в Лондоне, он с величайшим удовольствием следил за ежедневной подборкой личных объявлений, которую в обиходе называли просто «колонкой розыска». В английских газетах она занимала самое почетное место. Во времена Шерлока Холмса эта колонка процветала в «Таймс», и многие преступники попали в западню после того, как поместили там какое-нибудь таинственное и завлекательное послание. Позднее колонка перекочевала в «Телеграф». Однако с появлением дешевых изданий простонародье толпами повалило в «Мейл».

В «колонке розыска» перемешались трагедия и комедия. Обращаясь к блудным душам, здесь торопят вернуться, суля прощение; отвергнутых родней поклонников предостерегают: «Скорей исчезай, любимый, папа получил ордер на арест!». Страстные призывы, которые посрамили бы Абеяра и Элоизу, – всего по десять центов за слово – вызывают улыбку у широкой публики. Джентльмен в коричневом котелке с жаром признается, что белокурая гувернантка, вышедшая из трамвая на Шеппердс-Буш, безоговорочно завоевала его сердце. Не согласится ли она сообщить свой адрес в этом же разделе?..

Вот уже три недели Уэст наслаждался чтением подобных вещей. Больше всего ему нравилось, что в таких объявлениях все было предельно открыто и простодушно. В худшем случае, он замечал лишь робкую попытку отступить от Его Величества Закона, но такие сообщения появлялись настолько редко, что ему даже хотелось поаплодировать их авторам. Кроме

того, он был чрезвычайным любителем таинственности и романтики, а эти сестры-близняшки всегда отыскивались в колонке.

Словом, ожидая заказанную клубнику, он улыбнулся взрыву чувств юной леди, усомнившейся в искренности того, кто называл ее драгоценнейшей. И перешел к следующему объявлению. Сообщал тот, чье сердце было безоговорочно завоевано:

«МОЯ ГОСПОЖА спит. Она черноволосая. Угловое сиденье от «Виктории», в среду вечером. Программа подтверждается. Джентльмен, отвечающий запросу, желает познакомиться. Ответ здесь. – ЛЕ РУА».

Уэст сделал зарубку в памяти, чтобы проследить за ответом черноволосой. Следующее сообщения оказалось образчиком вечной любовной песни, которые, впрочем, теперь почти ежедневно появлялись в колонке:

«ДРАГОЦЕННЕЙШАЯ. Нежные любовные пожелания моей дорогой. Только бы быть с тобой ныне и во веки веков. Никого нет прекраснее для меня. Твое имя – музыка для меня. Люблю тебя больше жизни, моя дорогая красавица, мое гордое сердечко, моя радость, мое все-все! Ревную ко всему свету. Поцелуй от меня свои дорогие ручки. Люблю одну тебя. Твой навсегда. – НЕИЗМЕННЫЙ».

Какой щедрый этот «НЕИЗМЕННЫЙ», подумал Уэст, при десяти-то центах за слово. И какой контраст со следующим объявлением влюбленного скупердяя:

«– люблю дорогая; поговорить; долго; подруга –».

Однако в этих сугубо личных объявлениях речь шла не только о любви. Таинственность тоже присутствовала, как, скажем, в таком примечательном высказывании:

«ДЕРЗКАЯ РУСАЛКА. Не моя. Крокодилы кусают тебя сейчас. И хорошо. В восторге. – ПЕРВАЯ РЫБА».

Или в кровожадном предположении:

«ИЗ ЯЩИКА. Первый раунд; зубы прочь. Финал. ТЫ МЕНЯ НЕ ЗАБУДЕШЬ».

Тут как раз появилась клубника, и колонка розыска отступила на задний план. Но когда последняя красная ягода была съедена, Уэст вернулся к газете и прочел:

«ВАТЕРЛОО. Ср. Поезд 11–53. Леди машет, не выходя из такси, хочет узнать джент., серое пальто? – ИСКРЕННИЙ».

Затем последовал более солидный запрос:

«ГРЕЙТ СЕНТРАЛ. Джентльмен, видевший леди в шляпке 9 в понедельник утром в лифте в отеле «Грейт Централ», щедро оценит согласие познакомиться».

На этом сегодняшние удовольствия от колонки розыска были исчерпаны, и Уэст, как добпорядочный гражданин, обратился к «Таймс», чтобы узнать, что нового в утренних известиях. Основное место здесь отводилось назначению нового директора Далвич-колледжа. Привлекали внимание и сердечные дела очаровательной Габриэлы Рэй. И только где-то в уголке, как бы мимоходом, сообщалось, что Австрия направила ультиматум Сербии. Не успел Уэст толком просмотреть все эти глупые новости, как вдруг все на свете потеряло для него интерес.

В дверях ресторана отеля «Карлтон» остановилась девушка.

Конечно, ему бы следовало призадуматься над телеграммой из Вены. Но эта девушка!.. Сказать, что волосы у нее отливали неярким золотом, а глаза напоминали фиалки, значит не сказать ничего. Мало ли на свете девушек, одаренных такой же внешностью? Но вот ее поведение, благожелательный взгляд ее фиалковых глаз на всех этих официантов и величественных управляющих, видимая привычка чувствовать себя, как дома, и здесь, в отеле «Карлтон», и в любом другом месте, куда забросила бы ее судьба... Сомнений быть не могло: она прибыла из-за моря – из Штатов.

Она прошла в зал. И только теперь, как бы фоном для нее, в поле зрения появился мужчина в возрасте, одетый в стандартный черный костюм политического деятеля. Его тоже можно

было безошибочно оценить даже без этикетки: американец. Девушка подходила все ближе и ближе к Уэсту, в руке она держала номер «Дейли Мейл».

Официант Уэста мастерски владел искусством убедить клиента, что садиться надо именно за его столик, так что девушка и ее сопровождающий устроились всего лишь метрах в полутора от Уэста. После чего официант мигом извлек книжку заказов и застыл в полной готовности с карандашом в руке, точно репортер в пьесе из американской жизни.

– Клубника сегодня восхитительная, – произнес он медовым голосом.

Мужчина вопросительно взглянул на девушку.

– Нет, папа, я не хочу, – сказала она. – Ненавижу клубнику! Грейпфрут, пожалуйста.

Когда официант стремительно пробежал мимо, Уэст окликнул его громко и вызывающе.

– Еще порцию клубники! – приказал он. – Лучше нее сегодня ничего быть не может.

Как бы случайно взгляд фиалковых глаз на секунду встретился с его взглядом, но остался безразличным, словно он был всего лишь деталью обстановки. Потом обладательница примерных глаз медленно развернула свой экземпляр «Дейли Мейл».

– Что нового? – спросил политик, сделав добрый глоток воды.

– Не знаю, – ответила девушка, не поднимая глаз. – Тут есть кое-что намного занимательнее, чем новости. К твоему сведению... В английских газетах публикуют целые юмористические колонки! Только называют их иначе. Они называются «колонки личных объявлений». Там такие объявления! – она наклонилась над столом. – Вот послушай... «ДРАГОЦЕННЕЙШАЯ. Нежные любовные пожелания моей дорогой. Только бы быть с тобой ныне и во веки веков. Никого нет прекраснее для меня...»

Мужчина беспокойно огляделся.

– Перестань! – попросил он. – По-моему, это не очень прилично.

– Прилично? – воскликнула девушка. – Это очень, очень прилично! И так восхитительно – прямо и откровенно. «Твое имя – музыка для меня. Люблю тебя больше...»

– Что мы собираемся посмотреть сегодня? – торопливо вставил ее отец.

– Мы собираемся отправиться в Сити и осмотреть Темпл. Когда-то там жил Теккерей... и Оливер Голдсмит...

– Ладно, Темпл – это то, что надо.

– Потом Лондонский Тауэр. Он полон романтики. Особенно Кровавая Башня, где убили маленьких принцев. Разве это не ужас?

– Ужас, конечно, раз ты так говоришь.

– Ты такой милый! Обещаю дома в Техасе никому не рассказывать, что ты интересовался королями и всем прочим... если ты хоть немножко проявишь интерес. А иначе обязательно растрезвоню вокруг, что ты совершил ужасный поступок – снял шляпу, когда мимо прошел король Георг.

Политик улыбнулся. Уэст вдруг осознал, что и сам улыбается, хотя его это совершенно не касалось.

Возвратившийся официант принес грейпфрут и клубнику для Уэста. Не обращая внимания на Уэста, девушка положила газеты и приступила к завтраку. Однако Уэст то и дело посматривал на нее. Чувствуя гордость за свою страну, он сказал себе: «Это самая прекрасная вещь, которую я увидел за полгода в Европе. И она прибыла из дома!»

Когда через двадцать минут он с неохотой встал, его соотечественники все еще сидели за столиком, обсуждая свои планы на сегодня. Как всегда бывает в таких случаях, девушка предлагала, а мужчина соглашался.

Бросив последний взгляд на девушку, Уэст ступил на горячий тротуар Хеймаркета.

К себе он шел очень медленно. Его ждала работа, однако вместо того, чтобы заняться делом, он уселся в кабинете на балконе и залюбовался двором, ради которого, главным образом, и выбрал эту квартиру. Сюда, в самый центр огромного города, словно бы переместили

частичку сельского пейзажа, зеленого, аккуратно подстриженного и ухоженного, который казался ему самой привлекательной достопримечательностью Англии. Стены домов заросли плющом, между цветочными клумбами вились узкие дорожки, а прямо напротив его окон располагались удивительно романтические ворота, которые почти никогда не открывались. Так он сидел и смотрел, представляя, как выглядела бы там, внизу, та девушка из «Карлтона». Вот она сидит на грубо сколоченной лавке; вот наклонилась над ухоженными цветами; вот стоит перед воротами, которые вдруг распахиваются, открывая вид на жаркую городскую улицу...

Но пока он воображал ее в этом саду, куда она вряд ли когда-нибудь заглянет, пока с горечью осознавал, что едва ли вообще ее больше увидит, внезапно его осенила мысль.

Сначала он отмахнулся от нее как от абсурдной и совершенно невозможной. Девушка была из тех, кого называют прекрасным, хотя и сильно затертым словом леди; он считал себя джентльменом. Таким, как они, не пристало делать подобные вещи. Поддайся он этому соблазну, она, скорее всего, будет возмущена, шокирована, и тогда он потеряет даже тот счастливый шанс, тот один шанс из тысячи, что когда-нибудь, где-нибудь все же сумеет с нею познакомиться.

И все же, все же... Она, как и он, находила «колонку розыска» забавной... и привлекательной. В глазах у нее он подметил блеск, выдающий склонность к романтике. Она была любознательна, явно любила повеселиться и, что самое главное, радость жизни переполняла ее душу и сердце.

Нет, все это чепуха! Уэст вернулся в комнату и принялся шагать из угла в угол. Мысль была просто дикая. И все-таки, улыбнулся он, возможности при этом открываются самые удивительные. Как жаль, что приходится решительно отбросить эту идею и взяться, наконец, за свою дурацкую работу!

Решительно отбросить? Но...

На следующее утро, которое пришлось на субботу, Уэст не завтракал в «Карлтоне». А девушка завтракала. Когда они сели, мужчина заметил:

– Вижу, ты уже снова взяла свою «Дейли Мейл».

– Разумеется! – ответила она. – Я без нее не могу... Грейпфрут, пожалуйста.

Она стала читать. Вдруг ее щеки вспыхнули, и она положила газету.

– В чем дело? – спросил государственный муж из Техаса.

– Сегодня, – решительно проговорила она, – мы все-таки сходим в Британский музей.

Слишком долго ты с этим тянул.

Политик тяжело вздохнул. К счастью, он не попросил «Дейли Мейл», чтобы взглянуть, что пишут. Если бы он это сделал, то пришел бы в ярость... А может, развеселился бы, прочтя в колонке личных объявлений:

«РЕСТОРАН «КАРЛТОН». Девять утра, пятница. Может, молодая женщина, которая предпочитает грейпфруты клубнике, позволит молодому мужчине, который взял две порции последней, сообщить, что он не сможет уснуть, пока не найдет общего друга, который познакомит их, чтобы они могли встретиться и вместе посмеяться над этой колонкой?»

Молодому любителю клубники повезло, что он так разнервничался и не решился в то утро отправиться в «Карлтон»! Он совсем пал бы духом, увидев, какое решительное, бескомпромиссное выражение появилось на лице у леди, склонившейся над грейпфрутом. Он был бы так ошеломлен, что, скорее всего, сразу же вышел бы из помещения и поэтому не увидел, что это выражение сменилось озорной улыбкой. Улыбкой, с которой она снова взяла газету и прочла всю колонку до конца.

Глава II

На следующий день было воскресенье, а значит, газета не вышла. День прополз, как улитка. В понедельник, в несуетную рань, Джефффри Уэст уже вышел на улицу в поисках любимой газеты. Он нашел ее, нашел колонку розыска – и больше ничего. Во вторник он снова встал ни свет ни заря, все еще преисполненный надежды. Однако надежды быстро умерла. Леди из «Карлтона» не удостоила его ответа.

Что ж, сказал он себе, значит, я проиграл. Он поставил все на этот смелый шаг – и напрасно. Вероятно, если она вообще думала о нем, то повесила на него ярлык дешевого остряка, а то и мошенника, использующего дешевые газетенки. И, честно говоря, он в полной мере заслужил ее презрение.

В среду он проспал допоздна. И заглядывать в «Дейли Мейл» не торопился: слишком горьким было его разочарование в предыдущие дни. Наконец, начиная бриться, он позвал Уолтерса, смотрителя здания, и послал его за конкретной утренней газетой.

Уолтерс вернулся с бесценным сокровищем: в колонке розыска Уэст с белым от мыльной пены лицом радостно прочел:

«КЛУБНИЧНОМУ МУЖЧИНЕ. Только доброе сердце, склонность к романтике и большая любовь ко всему таинственному заставили грейпфрутовую леди дать ответ. Фанатик клубнички должен ежедневно в течение семи дней писать по одному письму, чтобы доказать, что он интересный человек, с которым стоит познакомиться. А потом – потом будет видно. Адрес: М. А. Л., горничной Сэди Хайт, отель «Карлтон»».

Целый день Уэст бродил по улицам, однако к вечеру перед ним встала проблема этих писем, от которых, как он чувствовал, зависит его будущее счастье. Вернувшись с обеда, он сел за письменный стол у окна, выходящего в его чудесный внутренний дворик. Весь день стояла жара, однако ночь принесла бриз, обдувающий прохладой воспаленные щеки Лондона. Ветерок легонько колыхал портьеры и шевелил бумаги на столе.

Уэст задумался. Надо ли сразу представить себя в высшей степени респектабельным человеком и упомянуть о своих безукоризненно респектабельных знакомствах? Вряд ли! Тогда сразу же лопнет, как мыльный пузырь, и уйдет навсегда вся романтика и таинственность. Тогда грейпфрутовая леди потеряет к нему интерес и перестанет читать его письма.

– Нет, мрачно проговорил он, обращаясь к колышущимся портьерам, – таинственность и романтику надо сохранить. Но где... Где мне их отыскать?..

Над головой он услышал твердую поступь военных башмаков, принадлежащих его соседу сверху Стивену Фрейзер-Фриеру, капитану Двенадцатого кавалерийского полка Британской Индийской армии, который прибыл домой в отпуск из этой заморской колонии. Именно оттуда, из квартиры над головой, романтика и таинственность вскоре в изобилии обрушатся ему на голову. Однако пока что Джефффри Уэст об этом даже не подозревал. Толком не зная, что сказать, но обретая вдохновение по мере продвижения, он написал первое из семи писем леди из «Карлтона». Вот что гласило послание, которое он в полночь бросил в почтовый ящик:

«ДОРОГАЯ ГРЕЙПФРУТОВАЯ ЛЕДИ. Вы очень добры. И мудры. Мудры, потому что не стали искать в моей корявой заметке никаких задних мыслей. Вы сразу определили, что это всего лишь робкая попытка застенчивого человека ухватиться за полу проходящей мимо Романтики. Поверьте, традиционный Консерватизм пытался сковать меня, когда я писал то обращение. Он сражался упорно. Он преследовал меня, борясь, возмущаясь, протестуя, вплоть до почтового ящика. Но я победил его. И слава Богу! Я сделал это ради него.

Молодость бывает только раз, сказал я ему. А потом уже бесполезно искать Романтику. Леди, сказал я ему, это поймет. Он насмешливо ухмыльнулся в ответ. Он покачал своей глуп-

пой седой головой. Признаю: он меня встревожил. Но теперь вы оправдали мою веру в вас. Миллион благодарностей вам за это!

Три недели я прожил в огромном, неудобном, равнодушном городе, тоскуя по Штатам. Три недели колонка розыска была мне единственной отрадой. И вдруг... в дверях ресторана «Карлтон» ... появляетесь вы...

Я знаю, что писать меня заставляют мои мечты. Не стану говорить вам о том, что у меня в уме – ваш образ. Вам до этого нет дела. Многие техасские поклонники, несомненно, говорили вам что-то подобное, когда над головой ярко светила луна и свежий ветерок тихо шептал сквозь ветки... сквозь ветки... сквозь...

Честно говоря, я не знаю, чьи ветки! Я никогда не был в Техасе. Этот свой порок я намереваюсь вскоре исправить. Целый день я собирался прочесть о Техасе в энциклопедии. Но весь этот день парил в облаках. А в облаках не найти справочников.

Сейчас я вернулся на землю, в свой уютный кабинет. Передо мною перо, чернила и бумага. И я должен доказать, что заслуживаю знакомства с вами.

Говорят, квартира многое рассказывает о человеке. Но, увы, эти спокойные комнаты в Адельфи-Террас – не стану называть номер дома – очень скудно обставлены. Поэтому, если вы смогли бы увидеть меня сейчас, вам пришлось бы судить обо мне по имуществу некоего Энтони Бартоломью. К тому же на мебели полно пыли. Не судите строго за это ни меня, ни Энтони. Судите, скорее, Уолтерса, смотрителя, который живет в полуподвале со своей седовласой женой. Когда-то Уолтерс был садовником, и вся его жизнь посвящена внутреннему дворику, куда выходит мое окно. Там он проводит все свое время, так что пыль может свободно собираться во всех углах на верхних этажах...

Эта картина расстраивает вас, моя леди? Вам стоило бы взглянуть на этот дворик! Поверьте, не стоит винить Уолтерса. Это настоящий Рай у моих окон, наш дворик. Такой же английский, как живая изгородь, такой же чистый, такой же прекрасный. Где-то поодаль грохочет Лондон, между нашим двориком и огромным городом стоят волшебные ворота, которые всегда закрыты. Именно из-за этого дворика я и снял свою нынешнюю квартиру.

А раз уж вы так любите тайны, я собираюсь познакомить вас с той странной цепочкой событий, которая привела меня сюда.

За первым звеном цепи мы должны вернуться в Интерлакен. Вы там еще не были? Тихий городок в живописном месте между двумя мерцающими озерами с величественной Юнгфрау в качестве декорации. Из обеденного зала одного приносящего удачу отеля вы могли бы видеть ее заснеженную вершину, окрашенную вечерней зарей в темно-розовый цвет. Тогда вы не скажали бы о клубнике: «Я ненавижу ее». Как и вообще о чем-то другом на земле.

Месяц назад я был в Интерлакене. Однажды вечером после обеда я прогуливался по главной улице, где все отели и магазины выстроились на фоне великолепной горы. Перед одним из магазинов я увидел коллекцию тростей и остановился, чтобы подобрать себе подходящую для восхождений. Почти тут же подошел молодой англичанин, который тоже стал осматривать трости.

Я выбрал себе ту, что меня устраивала, и собрался позвать продавца, когда англичанин обратился ко мне. Довольно молодой, худощавый, с приметной внешностью, он выглядел так, словно только что принял ванну, что, по моему глубокому убеждению, и позволило англичанам завоевать авторитет у населения таких колоний, как Египет или Индия, где мужчины не отличаются чистоплотностью.

– Ээ... извините, старина, – произнес он. – Если вы не против, советую вам выбрать другую трость. Эта недостаточно крепка для восхождений в горы. Я бы порекомендовал...

Сказать, что я удивился, было бы слишком мягко. Если вы хорошо знаете англичан, вам известно, что они не привыкли заговаривать с незнакомцами даже в самых сложных обстоятельствах. И вот представитель этого высокомерного племени внезапно вмешивается в про-

цесс выбора мною трости. Все кончилось тем, что я купил ту трость, которую предложил он, и затем мы вместе направились к моему отелю, причем он болтал по дороге о том о сем так, как не принято у британцев.

Зайдя в курзал, мы послушали музыку, выпили и выбросили пару франков на «маленьких лошадок». Он проводил меня до веранды моего отеля. Меня удивило, что, уходя, он уже обращался со мной как со старым другом и даже пообещал навестить меня завтра утром.

Поразмыслив, я решил, что Арчибальд Энрайт – а именно так он назвался – всего лишь ловец удачи, который из-за крайней нужды в деньгах предпочел забыть о своей британской исключительности. Завтра, подумал я, мне предстоит стать его очередной жертвой.

Но моя догадка оказалась ошибочной: похоже, денег у Энрайта вполне хватало. В первый вечер я упомянул, что собираюсь скоро посетить Лондон, и он часто вспоминал об этом в разговоре. Незадолго до того как мне предстояло покинуть Интерлакен, он стал высказывать предложение, чтобы я познакомился с некоторыми его родственниками в Англии. Это уж вообще было что-то неслыханное и совершенно беспрецедентное.

Тем не менее, когда мы прощались, он сунул мне в руку рекомендательное письмо своему кузену Стивену Фрейзер-Фриеру, капитану Двенадцатого кавалерийского полка Индийской армии, который, по его словам, будет рад принять меня в своем доме в Лондоне, где он находился – или будет находиться – в это время в отпуске без содержания.

– Стивен – отличный парень, – сказал Энрайт. – Он с радостью поможет вам сориентироваться в городе. Передайте ему, старина, мои наилучшие пожелания!

Разумеется, я взял письмо. Но все это дело меня очень удивило. Что бы означало такое теплое отношение Арчи ко мне? Зачем он хотел навязать меня своему кузену, когда этот джентльмен, вернувшись домой после двух лет, проведенных в Индии, несомненно, будет занят делами по горло? Я бы наверняка не стал передавать это письмо, если бы Арчи, проявив большую настойчивость, не вытянул у меня обещание это сделать. Я знал многих английских джентльменов и понимал, что, за исключением Арчи, они люди не того сорта, чтобы принимать с распростертыми объятиями странствующего американца, явившегося с простым письмом. Через некоторое время я прибыл в Лондон. Здесь я встретил приятеля, как раз отплывающего домой, и он рассказал мне о своем печальном опыте с рекомендательными письмами. О том, как адресаты встречали его холодными, отчужденными взглядами, в которых выражалось откровенное «Дорогой, какого черта вы ко мне лезете?» Причем, как он сказал, все эти люди были вполне доброжелательными. Они просто не терпели чужаков. Это обычное свойство всех англичан – за исключением Арчи.

Словом, я выбросил письмо капитану Фрейзер-Фриеру из головы. У меня были в Лондоне деловые знакомства и несколько приятелей-англичан, которые, как всегда, встретили меня радушно и приветливо. Но в моем бизнесе многочисленные знакомства полезны, и через неделю после приезда я все-таки решил однажды после обеда заглянуть к моему капитану. Я сказал себе, что, возможно, этот англичанин немного оттаял в жарком горниле Индии. А если нет, вреда мне это не принесет.

Вот тогда-то я и пришел в первый раз в этот дом в Адельфи-Террас, потому что именно этот адрес назвал мне Арчи. Меня впустил Уолтерс, и я узнал от него, что капитан Фрейзер-Фриер еще не прибыл из Индии. Его квартира была готова – он оставлял ее за собой на время отсутствия, что, похоже, было здесь принято, – и его ожидали в самое ближайшее время. Возможно, заметил Уолтерс, жена помнит точную дату его приезда. Он оставил меня в нижнем холле, а сам отправился уточнить у нее.

Ожидая его, я подошел к задней стене холла. И там сквозь открытое по случаю летней жары окно впервые увидел тот дворик, который люблю в Лондоне больше всего: покрытые плетнем старинные кирпичные стены; аккуратные дорожки между цветочными клумбами; деревянная скамья; волшебные ворота. Казалось невероятным, что снаружи находится один

из крупнейших городов мира с его бедностью и богатством, радостями и печалью, гулом и грохотом. Здесь же был сад из книг Джейн Остин для прекрасных леди и учтивых джентльменов, здесь был сад, где можно мечтать, сад, который можно любить и лелеять.

Когда Уолтерс вернулся и сообщил, что его жена не уверена относительно точной даты возвращения капитана, я начал восторгаться двориком. И сразу же завоевал его дружбу. Я искал тихую квартиру подальше от отеля и с радостью узнал, что на втором этаже, как раз под жилищем капитана, сдается подходящая.

Уолтерс сообщил мне адрес агента, и, выдержав испытание, которое вряд ли было бы строже, если бы я просил руки дочери старшего партнера, мне разрешили поселиться там. Садик стал моим!

А капитан? Через три дня после прибытия сюда я в первый раз услышал над собой стук его военных башмаков. И вновь у меня возникли сомнения. Мне хотелось оставить письмо Арчи в своем письменном столе и ограничить знакомство с соседом только стуком его шагов над моей головой. Я даже решил, что, вероятно, сгруппировался, когда поселился в одном доме с ним. Но я представился Уолтерсу знакомым капитана, и смотритель незамедлительно сообщил мне о благополучном возвращении «моего друга» домой.

Делать нечего, неделю назад я собрался с силами и отправился в гости к капитану. Постучался. Он пригласил меня войти, и я оказался в кабинете лицом к лицу с хозяином. Это был высокий, статный мужчина со светлыми волосами и усами – именно такой, моя леди, о каком мечтают воспитанницы закрытых учебных заведений. Но должен признаться, что встретил он меня не слишком сердечно.

– Капитан, – произнес я, – прошу извинить за беспокойство... – разумеется, говорить этого не следовало, но я был слишком взволнован. – Я живу с вами по соседству, и у меня есть рекомендательное письмо от вашего кузена Арчибалда Энрайта. Я познакомился с ним в Интерлакене, и мы стали добрыми друзьями.

– Вот как! – отозвался капитан.

Он протянул руку за письмом так, словно это было обвинительное заключение военного суда. Уже жалея о том, что пришел, я подал ему письмо. Он прочел его. Стоя у его письменного стола – он не пригласил меня сесть, – я осмотрелся. Кабинет почти не отличался от моего, разве что пыли тут было побольше. Квартира находилась на третьем этаже, далеко от сада, поэтому Уолтерс заходил сюда реже.

Капитан отвернулся и перечел письмо еще раз. Такой прием показался мне не слишком вдохновляющим. Взглянув вниз, я случайно заметил на письменном столе диковинный нож, который, как я решил, капитан привез из Индии. Стальное лезвие выглядело чрезвычайно острым и опасным, а сделанная из золота рукоятка изображала какую-то варварскую фигурку.

Наконец капитан оторвал глаза от письма и окинул меня холодным взглядом.

– Дорогой друг, – произнес он, – насколько мне известно, у меня нет кузена по имени Арчибалд Энрайт.

Хорошенькое положение, сами понимаете! Обычный англичанин неприязненно принимает незнакомца даже с письмом от своей родной матери. Вот и представьте, как капитан отнесся ко мне, когда я безрассудно всучил ему теплое письмо с рекомендациями от несуществующего кузена!

– Тогда примите мои извинения, – проговорил я, тщетно пытаясь держаться так же высокомерно, как и капитан, но чувствуя, что мне до него еще расти и расти. – Я передал вам это письмо с самыми честными намерениями.

– Я в этом не сомневаюсь, – ответил он.

– Очевидно, мне дал его некий авантюрист, преследующий собственные цели, – продолжал я. – Но я затрудняюсь даже предположить, каковы они.

– Мне ужасно жаль... В самом деле, – заметил он. Но сказано это было с чисто лондонской интонацией, в которой явственно сквозило: «Не на того напал!».

Наступила неловкая тишина. Я считал, что ему следовало бы вернуть мне письмо, однако он даже не подумал это сделать. И, разумеется, я не стал просить его об этом.

– Ээ... Что ж... Спокойной ночи, – сказал я и поспешил к дверям.

– Спокойной ночи, – ответил он, и я оставил его стоять в кабинете с проклятым письмом в руке.

Вот так я поселился в Адельфи-Террас. Вы, моя леди, должны признать, что в этом есть какая-то тайна. Раз или два после этого неудачного визита я встречал капитана на лестнице. Но там, к моему счастью, всегда очень темно. Я часто слышу его шаги у себя над головой. Честно говоря, я слышу их и сейчас, пока это пишу.

Так кто же такой Арчи? В чем была его цель? Я продолжаю ломать над этим голову.

Ну, что ж, зато у меня теперь есть свой сад, и за это я должен благодарить говорливого Арчи. Сейчас уже почти полночь. Грохот Лондона стих до сердитого бормотания, и прохладный ветерок продувает насквозь пропеченный солнцем город. Он что-то шепчет в зеленой траве, в побегах плюща, увивающего мою стену, в мягких складках моих темных портьер. Что-то шепчет – но что?

Возможно, он шепчет то, о чем я мечтаю, когда пишу это свое первое письмо к вам. Шепчет то, о чем я еще не смею даже шептать.

И поэтому – спокойной ночи.

КЛУБНИЧНЫЙ МУЖЧИНА».

Глава III

Дочь политика из Техаса прочла это письмо во вторник утром в своем номере в «Карлтоне» с улыбкой, которая выдавала ее чрезвычайный интерес. Сомнений не было: первое послание ярого любителя клубники захватило и удержало ее внимание. Целый день, таская своего отца по картинным галереям, он ловила себя на том, что ждет завтрашнего утра с любопытством и нетерпением.

Однако на следующее утро Сэди Хайт, на чье имя адресовались письма, не получила ничего. Это известие расстроило дочь Техаса. В полдень она настояла на возвращении для ленча в отель, хотя ее отец резонно заметил, что они находятся слишком далеко от «Карлтона». Но это путешествие было вознаграждено. Письмо номер два уже ожидало ее. Прочтя его, она задохнулась от изумления.

«ДОРОГАЯ ЛЕДИ ИЗ «КАРЛТОНА». Я пишу это письмо в три часа утра, когда над Лондоном за пределами нашего сада нависла гробовая тишина. Я занялся этим так поздно не потому, что не думал весь вчерашний день о вас, и не потому, что не сел за письменный стол ровно в семь часов вечера. Поверьте, только неожиданное, ужасающее событие могло мне в этом помешать.

И такое неожиданное, ужасающее событие произошло.

Я испытываю искушение сообщить вам эту новость в одной ошеломляющей и страшной фразе. И я мог бы написать такую фразу. На тихий домик в Адельфи-Террас обрушилась трагедия, окутанная тайной, такой же непроницаемой, как лондонский туман. В полуподвале, бессонное и ошарашенное, затаилось семейство Уолтерс. За дверью, на темной лестнице, я то и дело слышу шаги людей, выполняющих неприятные обязанности... Но нет, я должен вернуться назад и изложить все по порядку.

Прошлым вечером я довольно рано пообедал на Стрэнде у «Симпсона» – так рано, что был в ресторане практически один. Письмо, которое я собирался написать, все время крутилось у меня в голове, и, торопливо закончив обед, я поспешил к себе домой. Я точно помню, что когда стоял на улице перед домом и рылся в карманах, разыскивая ключи, Биг Бен на здании парламента пробил ровно семь часов. Удары большого колокола прозвучали в нашем мирном районе как громкое дружеское приветствие.

Зайдя в свой кабинет, я тут же сел писать. Над головой у меня раздавались производимые капитаном Фрейзер-Фриером звуки – видимо, он собирался на обед. С веселой улыбкой я подумал, как бы он был потрясен, если бы узнал, что обитающий под ним неотесанный американец успел пообедать в такую немыслимую рань, как шесть часов. И тут вдруг услышал в квартире надо мной чей-то незнакомый голос, звучащий грубо и решительно. Потом до меня долетел голос капитана, более спокойный и уравновешенный. Разговор продолжался какое-то время, становясь все более возбужденным. Я не мог различить ни слова, однако у меня возникло неприятное ощущение, что наверху идет перепалка. И будьте уверены, я прекрасно помню, что у меня возникло чувство досады из-за того, что кто-то мешает мне сочинять письмо, которое я считал невероятно важным.

Минут через пять спор наверху, похоже, перешел в рукопашную схватку. Это напомнило мне учебу в колледже, когда нам нередко приходилось слышать, как парни наверху борются друг с другом просто от избытка молодых сил. Но здесь все выглядело куда хуже, куда яростнее, и мне это не понравилось. Тем не менее, я решил не вмешиваться в чужие дела и попытался сосредоточиться на письме.

Потасовка наверху закончилась особенно громким стуком, который потряс наш древний дом до основания. Обеспокоенный, я замер, прислушиваясь. Но воцарилась тишина. Еще не совсем стемнело, и бережливый Уолтерс пока не включил свет в холле. Кто-то осто-

рожно спускался вниз по лестнице, но его выдавал скрип ступенек. Я встал в дверях, чтобы подождать, пока он попадет в луч света, падающий из моей комнаты. Однако вмешалась судьба в обличье ветра, дунувшего мне в окно. Дверь с треском захлопнулась, крупный мужчина проскочил мимо меня в темноте и бросился вниз по лестнице. То, что он крупный, я понял потому, что лестница у нас узкая, и ему, чтобы пройти, пришлось оттолкнуть меня в сторону. Я услышал, как он негромко выругался.

Я торопливо подбежал к дальнему окну в холле и выглянул на улицу. Однако передняя дверь не открылась, и никто не вышел наружу. Меня это сначала озадачило, но потом я вернулся к себе в комнату и поспешил на балкон. Оттуда я различил в сумерках фигуру человека, бегущего через сад – через тот сад, о котором я уже вам писал. Он не пытался открыть ворота, он через них перелез, после чего исчез из поля зрения.

Я ненадолго задумался. Событие было, конечно, необычное, но стоило ли мне вмешиваться? Я вспомнил холодный взгляд капитана Фрейзер-Фриера, когда я передал ему письмо Арчи. Я представил себе, как он стоит в своем пыльном кабинете, дружелюбный не более, чем каменный истукан. Понравится ли ему мое вторжение?

Наконец, я принял решение спуститься вниз к Уолтерсам. Супружеская чета как раз обещала в своем полуподвале. Я рассказал им, что произошло. Смотритель сообщил, что никого не впускал к капитану, и был явно настроен отнестись к моим опасениям с холодным британским безразличием. Однако я настоял, чтобы он вместе со мной поднялся к капитану.

Дверь в квартиру капитана была открыта. Помня, как сурово наказывают в Англии за незаконное вторжение, я велел Уолтерсу войти первым. Он вступил в комнату, освещенную тусклым светом газового светильника в старинном канделябре.

– О Господи, сэр! – воскликнул Уолтерс, как хорошо вышколенный слуга.

Вот, наконец-то, я и пишу эту фразу: капитан Индийской армии Фрейзер-Фриер лежал на полу мертвым, и на его красивом английском лице застыла легкая презрительная усмешка!

Ужас перед случившимся не покидает меня и сейчас, когда я сижу тихим утром в своей комнате, так похожей на кабинет мертвого капитана. Он был заколот ударом прямо в сердце, и я тут же подумал о том диковинном индийском ноже, который видел у него на столе. Я быстро повернулся, чтобы отыскать его, но он исчез. И тут же, едва я взглянул на стол, у меня мелькнула мысль, что в это пыльной комнате должны остаться отпечатки пальцев – множество отпечатков.

Несмотря на шумную схватку, в комнате царил полный порядок. Только пара странно-стей бросилась мне в глаза. На столе стояла коробка из цветочного магазина с Бонд-стрит. Крышка была снята, и я увидел в коробке несколько белых астр. Рядом с коробкой лежала булава для галстука – изумрудный скарабей. А недалеко от тела капитана валялась мягкая фетровая шляпа, которую еще называют гамбургской по имени немецкого города, где их делают.

Я понимал, что в такие моменты очень важно ничего не трогать, и повернулся к старику Уолтерсу. Лицо у него было блее бумаги, на которой я сейчас пишу, колени дрожали и подгибались.

– Уолтерс, – сказал я, – надо оставить все, как есть, до прихода полиции. Идемте со мной, и я сообщу в Скотланд-Ярд.

– Хорошо, сэр, – ответил Уолтерс.

Мы спустились к телефону в нижнем холле, и я позвонил в полицию. Меня предупредили, что инспектор прибудет немедленно, и я отправился к себе в комнату.

Можете себе представить, какие чувства обуревали меня, пока я его ожидал. Я предвидел, что пока загадка не будет решена, меня могут ожидать большие неприятности. Уолтерс, конечно, помнит, что я появился здесь как знакомый капитана. Он также наверняка заметил, что после прибытия Фрейзер-Фриера из Индии особо теплых отношений между нами не заме-

чалось. Он, несомненно, засвидетельствует и то, что я очень стремился снять квартиру в одном доме с капитаном. А тут еще письмо от Арчи. Я чувствовал, что это лучше держать в секрете. И наконец, никто не смог бы подтвердить мой рассказ о ссоре, которая предшествовала смерти капитана, и о человеке, который сбежал через сад.

Увы, подумал я, даже самый глупый полицейский отнесется ко мне с подозрением!

Минут через двадцать в дом прибыли три человека из Скотланд-Ярда. К этому времени я уже дошел до крайней степени волнения. Я слышал, как Уолтерс впустил их, слышал, как они поднялись по лестнице и вошли в комнату надо мной. Вскоре ко мне в дверь постучал Уолтерс, который сообщил, что со мною хочет побеседовать старший инспектор Брей. Шагая перед смотрителем наверх, я уже относился к нему как обвиняемый в убийстве к свидетелю, от которого зависит его жизнь.

Он был крупный энергичный мужчина, этот Брей, светловолосый, как и многие англичане. Все его движения были строго рассчитаны. Стараясь вести себя неуверенно, как и полагается невинному человеку – но, боюсь, терпя в этом неудачу, – я изложил ему свой рассказ о голосах и схватке наверху, а также о крупном мужчине, который был замечен мною в холле, а потом перелез через ворота. Он выслушал меня молча. А потом спросил:

– Вы были знакомы с капитаном?

– Поверхностно, – ответил я. Письмо Арчи все еще маячило у меня в голове, наводя на меня страх. – Мы только познакомились с ним – вот и все. При посредстве его друга... по имени Арчибальд Энрайт.

– Энрайт сейчас в Лондоне и может подтвердить ваши слова?

– Боюсь, что нет. Я в последний раз виделся с ним в Интерлакене.

– Да? А как получилось, что вы сняли квартиру в этом доме?

– Когда я в первый раз зашел к капитану, он еще не прибыл из Индии. Я как раз искал квартиру, и мне понравился здешний садик.

Конечно, с моей стороны было глупо говорить об этом. Меня даже не удивило, что инспектор подозрительно уставился на меня. Но ничего не поделаешь.

Брей принялся ходить по комнате, не обращая на меня внимания.

– Белые астры, булавка со скарабеем, гамбургская шляпа... – перечислил он, остановившись перед столом, на котором лежали все эти странные вещи.

К нему подошел констебль, держа в руке газеты.

– Что это? – спросил Брей.

– «Дейли Мейл», сэр, – сказал констебль. – Номера за двадцать седьмое, двадцать восьмое, двадцать девятое и тридцатое июля.

Брей взял газеты, просмотрел их и небрежно сунул в мусорную корзину. И повернулся к Уолтерсу.

– Прошу прощения, сэр, – сказал Уолтерс, – Но я просто ошеломлен! Со мной раньше никогда не случалось ничего подобного. Я сейчас же...

– Нет, – резко возразил Брей. – Все в порядке. Я сам...

В дверь постучали. Брей крикнул «Войдите!», и в комнате появился худощавый молодой человек, болезненный на вид, но с военной выправкой.

– Привет, Уолтерс, – улыбаясь, произнес он. – Что тут происходит? Я...

Внезапно его взгляд упал на диван, где лежало тело Фрейзер-Фриера, и он умолк. Потом миготнул рядом с покойником.

– Стивен! – горестно воскликнул он.

– Кто вы? – в упор спросил его инспектор... Довольно грубо, на мой взгляд.

– Это брат капитана, сэр, – вмешался Уолтерс. – Лейтенант Королевских фузилеров Норман Фрейзер-Фриер.

Воцарилась тишина.

– Большая беда, сэр... – проговорил Уолтерс, обращаясь к молодому человеку.

Я редко видел такого убитого горем человека, как молодой Фрейзер-Фриер. Мне подумалось, что с лежащим на диване его связывали поистине прочные узы. Наконец он отвернулся от брата, и Уолтерс попытался объяснить ему, что произошло.

– Надеюсь, вы извините меня, джентльмены, – произнес лейтенант. – Для меня это страшный удар! Мне такое и не снилось... Я как раз зашел к нему перекинуться словом... А теперь...

Мы молчали, дав ему возможность, как и полагается истинному англичанину, извиниться за публичное проявление своих чувств.

– Мне очень жаль, – тут же откликнулся Брей, в то время как его взгляд по-прежнему блуждал по комнате. – Тем более что Англии, вероятно, в скором времени потребуются такие люди, как капитан. А теперь, джентльмены, я хочу сказать следующее: я начальник Специального отдела Скотланд-Ярда. Это убийство необычное. По причинам, которые я не могу назвать, а также, надо добавить, и в интересах империи, известие о трагической гибели капитана не должно в настоящее время попасть в газеты. Разумеется, речь идет об обстоятельствах смерти. Как вы понимаете, должно появиться только сообщение о смерти... Как будто она произошла естественным путем.

– Понятно, – сказал лейтенант, и было видно, что он знает больше, чем говорит.

– Спасибо, – сказал Брей. – Ваша семья может заняться этим делом. В том числе позаботиться о теле покойного. Что касается остальных, то я запрещаю где-либо упоминать об этом событии.

Внезапно он умолк и с удивленным видом уставился на меня.

– Вы американец? – спросил он, и было понятно, что моих земляков он недолюбливает.

– Да, – признался я.

– У вас есть знакомые в консульстве? – уточнил он.

Слава Богу, да! С заместителем консула по имени Уотсон мы вместе учились в колледже. Я сообщил его имя Брею.

– Прекрасно, – сказал инспектор. – Вы можете идти. Но имейте в виду, что вы являетесь важным свидетелем в этом деле, и если попытаетесь покинуть Лондон, то вас арестуют.

Словом, я вернулся к себе в квартиру по горло замешанным в эту загадку, что совсем не доставляло мне удовольствия. Некоторое время я сидел в кабинете, обдумывая произошедшее. Тем временем, на лестнице то и дело звучали чьи-то шаги, а в холле раздавалось множество голосов.

Ожидая рассвета, я с грустью думал о высокомерном и привлекательном капитане. В конце концов, он был настоящим мужчиной. Об этом свидетельствовали его мерные шаги над моей головой, которых я больше никогда не услышу.

Что же все это значило? Кем был тот человек в холле, тот человек, который так громко спорил и который так уверенно нанес удар диковинным индийским ножом? И где этот нож теперь?

И, наконец, что означали те белые астры? И та булавка со скарабеем? И эта нелепая гамбургская шляпа?..

Леди из «Карлтона», вы хотели тайны? Когда я писал вам первое письмо, то и думать не думал, что скоро смогу представить вам такую ошеломляющую загадку.

И поверьте, сквозь все эти события мне видится ваше лицо... Ваше лицо в то ясное утро в обеденном зале отеля... Думаю, вы простите, что я обращаюсь к вам таким образом. Я увидел ваши глаза, и они произвели на меня большое впечатление... Огромное!

Сейчас у меня в саду светает, и Лондон начинает пробуждаться. Так что я с полным правом могу вам сказать: «Доброе утро, моя леди!»

КЛУБНИЧНЫЙ МУЖЧИНА.

Глава IV

Едва ли стоит говорить, что это письмо стало настоящим потрясением для получившей его молодой женщины. На протяжении следующего дня виды Лондона почти не вызывали у нее интереса. Это было так заметно, что ее вспотевший папаша уже стал с грустью вспоминать свой любимый Техас и даже с надеждой предложил пораньше вернуться домой. Холодность, с которой эта идея была встречена, ясно показала ему, что он совершил ошибку. Ему осталось лишь тяжело вздохнуть и поискать утешения в баре.

В этот вечер пара из Техаса посетила Театр Ее Величества, где ставилась последняя пьеса Бернарда Шоу. Но остроумного ирландца наверняка обидело бы то, с каким пренебрежением молодая пригожая американка из публики отнеслась к его творению и как мало внимания ему уделила. Между тем, упомянутая американка легла спать в полночь, предвкушая новую порцию утренних новостей.

И они ее не разочаровали. Утром в субботу горничная, флегматичная англичанка, появилась у ее кровати с письмом в руке. Она вручила его девушке с поднятым носом человека, который помогает, но не одобряет. Девушка тут же вскрыла конверт.

«ДОРОГАЯ ЛЕДИ из Техаса. Я пишу это письмо вечером. На лужайке в саду уже лежат длинные тени, и все вокруг так прекрасно, что, честно говоря, мне самому трудно поверить, что события трагической ночи произошли на самом деле.

Утренние газеты постарались убедить меня, что все это случилось во сне. Я не нашел ни строки, ни единого слова об этом событии. Особенно удивительно это для меня, американца. Ведь если бы это случилось у нас в стране, к этому времени дом уже кишел бы репортерами, сующими нос во все уголки. Ох, уж эти английские газеты. Великий Джо Чемберлен умер в десять часов вечера, но только полдень на следующий день вышла первая газета с сообщением об этом, громко вереща от радости, что всех опередила. Другая страна, другие нравы.

Инспектору Брей, видимо, нетрудно было держать подобных журналистов в неведении. Поэтому их объемистые, неуклюжие листы выходили в свет, не замечая примечательных событий в Адельфи-Террас. В отсутствие реальных новостей они начали намекать на то, что на горизонте сгущаются тучи большой войны. Только потому, что прогнившая Австрия объявила войну крошечной Сербии, а кайзер сегодня торопится с большим шумом вернуться в Берлин, они предсказывают, что вскоре вся Европа будет залита кровью. Кошмар, порожденный жаркими днями и грозowymi ночами!

Но вы, конечно, желаете узнать новости о событиях в Адельфи-Террас. Последовало продолжение трагедии, которое добавило ей намного больше загадочности, и обнаружил его я один... Но вернемся назад.

Сегодня на рассвете, отправив вам письмо, я вернулся домой уставшим от напряженной ночи. Я лег в кровать, но не мог уснуть. Вновь и вновь меня мучила мысль о том, что я нахожусь в самом невыгодном положении. Мне не понравились взгляды, которые бросал на меня инспектор Брей, и его голос, когда он выспрашивал у меня, как я поселился в этом доме. Я сказал себе, что буду в опасности, пока истинный убийца несчастного капитана не будет найден. Поэтому я начал перебирать в памяти несколько ключевых деталей этого дела – и в первую очередь астры, булавку со скарабеем и гамбургскую шляпу.

Именно тогда я вспомнил про четыре номера «Дейли Мейл», которые Брей походя бросил в мусорную корзину, как не представляющие никакого интереса. Я заглянул ему через плечо, когда он просматривал газеты, и заметил, что каждый экземпляр был сложен так, что на виду находился наш любимый раздел – колонка розыска. К счастью, у меня в письменном столе сохранились номера «Мейл» за прошлую неделю. Вы понимаете почему.

Я встал, нашел эти газеты и начал их читать. Именно тогда я и сделал то потрясающее открытие, о котором уже упоминал.

Это настолько ошеломило меня, что какое-то время после этого я потерял способность размышлять и действовать. В конце концов, я решил дожидаться утра и возвращения Брея и обратить его внимание на ошибку, которую он совершил, игнорируя газеты.

Брей появился около восьми часов, а через несколько минут на лестнице послышались шаги другого человека. Я как раз брился, но поспешил покончить с этой процедурой, надел купальный халат и торопливо поднялся в квартиру капитана. Младший брат позаботился о том, чтобы еще ночью тело покойника увезли, так что если не считать спящего на ходу констебля, там не было никого, кроме Брея и незнакомца, пришедшего почти одновременно с ним.

Брей приветствовал меня сухо и неприязненно. Зато незнакомец, высокий загорелый мужчина, представился гораздо любезнее. Он назвался полковником Хьюзом, близким другом покойного, и сообщил, что потрясен случившимся и пришел, чтобы узнать, не может ли он оказаться чем-то полезным.

– Инспектор, – сказал я, – вчера вечером в этой комнате вы держали в руках четыре номера «Дейли Мейл». Вы бросили их в корзину как не представляющие интереса. Могу я попросить вас достать эти номера, чтобы я мог показать вам кое-что весьма впечатляющее?

Слишком большой чин, чтобы самолично рыться в мусорной корзине, он кивнул констеблю, и тот принес газеты. Выбрав одну из них, я развернул ее на столе.

– Номер за двадцать седьмое июля, – сказал я.

И указал на одну заметку примерно посередине колонки личных объявлений. Вы сами, моя леди, можете прочесть ее там, если случайно сохранили этот номер. Там было написано:

«РАНГУН. В саду Кентерберии астры в полном цвету. Они очень красивы... Особенно белые».

Брей крикнул и пошире открыл свои глазки. Я взял номер за двадцать восьмое число.

«РАНГУН. Мы вынуждены продать отцовскую булавку для галстука – изумрудного скарабея, которого он привез домой из Каира».

Теперь Брей всерьез заинтересовался. Пыхтя, он тяжело склонился надо мной. Сильно волнуясь, я развернул перед ним номер за двадцать девятое.

«РАНГУН. Гамбург пропал навсегда – унесен ветром – в реку».

– И последнее, – сообщил я инспектору. – Самое последнее сообщение в номере за тридцатое июля. Оно продавалось на улицах примерно за двенадцать часов до убийства Фрейзер-Фриера. Вот взгляните!

«РАНГУН. Сегодня в десять. Риджент-стрит. – И. О. Г.»

Брей молчал.

– Полагаю, инспектор, вам известно, – сказал я, – что последние два года капитан Фрейзер-Фриер находился в Рангуне.

Он по-прежнему молчал. Только взглянул на меня своими лисьими глазками, которые я уже начинал ненавидеть. Наконец, он резко выпалил:

– А каким образом, – требовательно спросил он, – вы догадались отыскать эти сообщения? Вы что, заходили вчера ночью в эту комнату после моего ухода? – он повернулся к констеблю. – Я же строго-настрого приказал...

– Нет, – ответил я. – Не заходил. У меня сохранились номера «Мейл», и по чистой случайности...

И тут я понял, что дал маху. Слишком уж своевременной выглядела моя находка. На меня вновь пало подозрение.

– Большое спасибо, – сказал Брей. – Я сохраню это в памяти.

– Вы связались с моим приятелем в консульстве? – спросил я.

– Да. Пока это все. До свиданья.

И я ушел.

Прошло около двадцати минут после моего возвращения к себе, когда в дверь постучали, и вошел полковник Хьюз. Это был добродушный на вид человек лет сорока с хвостиком, с седойной на висках, обожженный каким-то явно не здешним солнцем.

– Дорогой сэр, – без предисловий начал он, – это в высшей степени ужасное дело!

– Несомненно, – подтвердил я. – Садитесь, пожалуйста.

– Спасибо, – он сел и взглянул мне прямо в глаза. – Полицейские, – продолжал он, – невероятно подозрительный народ. И зачастую безо всякого повода. Я сожалею, что вы оказались втянуты в это дело, потому что, по моему мнению, вы именно тот человек, каким представляетесь. Позвольте добавить, что если вам когда-либо потребуется друг, я буду в вашем распоряжении...

Я был тронут и поблагодарил его от всей души. Его тон был таким доброжелательным, что, сам того не желая, я рассказал ему всю историю: об Арчи и его письме, о том, как я влюбился в садик, о поразительном открытии, что капитан никогда не слышал о своем кузене, и о том неприятном положении, в котором я из-за этого очутился. Полковник откинулся на спинку стула и прищурился.

– Мне кажется, – сказал он, – что ни один человек, передающий незапечатанное рекомендательное письмо, не удержится, чтобы не узнать, какими достоинствами его там наградили. Такова уж человеческая натура... Я сам нередко так поступал. Поэтому я рискну спросить...

– Да, – признался я. – Письмо не было запечатано, и я прочел его. С учетом его цели, оно показалось мне слишком длинным. Там оказалось много хвалебных слов обо мне... Слишком много, если вспомнить, что наше знакомство с Энрайтом было очень кратким. Еще я помню, что Арчи сообщил, как долго он находится в Интерлакене, и уточнил, что намеревается приехать в Лондон в самом начале августа, к первому числу.

– Первого августа... – повторил полковник. – Значит, завтра. А теперь... если вам не трудно, – что все-таки случилось вчера?

Я снова изложил события того трагического вечера: ссору, грузную фигуру в холле, бегство через редко открываемые ворота.

– Мой друг, – вставая и собираясь уходить, сказал полковник Хьюз, – все нити трагедии тянутся далеко. Некоторые в Индию, некоторые в страну, которую я не стану называть. Честно признаюсь, что это дело чрезвычайно интересует меня не только как друга капитана. У меня просьба: наш разговор должен остаться между нами. Полиция, конечно, действует с самыми добрыми намерениями, но все же иногда ошибается. Я правильно понял, что у вас есть те номера «Мейл», где помещены те странные сообщения?

– Они у меня в письменном столе.

Я достал газеты и показал их полковнику.

– Думаю, если позволите, я заберу их, – сказал он. – И прошу вас никому не упоминать о моем коротком визите. Мы еще встретимся. До свиданья.

И он ушел, унося газеты со странными сообщениями для Рангуна.

Не знаю почему, но его визит удивительным образом воодушевил меня. Впервые после семи часов прошлого вечера я вздохнул свободно.

Вот так, дорогая леди, которая любит тайны, обстоит дело к вечеру последнего дня июля тысяча девятьсот четырнадцатого года.

Я отправляю вам это письмо сегодня же вечером. Это третье мое письмо к вам, и с ним я посылаю вам втрое больше своих мечтаний, чем в первом. Потому что эти мечтания живут во мне не только по ночам, когда над садом стоит луна, но и при ярком свете дня.

Да, я чрезвычайно воодушевлен. И только теперь понял, что, если не считать чашки кофе из дрожащих рук Уолтерса, я не заглядывал в «Симпсон», чтобы перекусить, со вчерашнего

вечера. Так что сейчас я собираюсь пообедать. И начну с грейпфрута. Я понял, что вдруг полюбил грейпфрут.

Как ни банально, но факт: что касается вкусов, то у нас много общего!

ЭКС-КЛУБНИЧНЫЙ МУЖЧИНА».

Третье письмо от корреспондента из колонки розыска усилило в душе молодой пригожей женщины напряжение и взволнованность, созданные вторым посланием. После его получения субботним утром она долго сидела, размышляя над загадочными событиями в Адельфи-Террас. Первое сообщение о том, что капитан Индийской армии Фрейзер-Фриер убит ножом в сердце, поразило ее так, словно она потеряла старого доброго друга. Она страстно желала, чтобы убийца был схвачен, и все время пыталась понять значение белых астр, булавки со скарабеем и гамбургской шляпы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.